

«Азь же того оубоѡвьса»:
эмотивная лексика страха как характеристика князей
в «Повести временных лет»

Светлана А. Борисова
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sa-borisowa@yandex.ru*

Аннотация. Исследование терминов, обозначающих эмоции, – основа изучения представлений о человеческих переживаниях, бытовавших в прошлом. В силу особенностей древнерусской книжной культуры мы не можем найти в произведениях этого периода развернутые и детальные описания, связанные с переживаниями людей. Тем не менее указанные тексты содержат эмотивную лексику. Именно ее анализ особенно важен для понимания представлений об эмоциях людей, живших в средние века. Анализ эмотивной лексики страха в «Повести временных лет» показывает, что ее авторы не только и не столько стремились передать ощущение этого чувства своими персонажами, сколько выстраивали характеристики героев летописи с помощью эмотивов. В статье анализируются рассказы «Повести временных лет» о князьях, содержащие лексемы, которые обозначают страх. Особое внимание обращается на контекст употребления обнаруженных эмотивов. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что эмотивная лексика страха используется летописцем для нравственной характеристики князей. Сообщения об этой эмоции маркируют персонажей как злодеев и определяют их действия как несправедливые. Бесстрашие же рассматривается как позитивная характеристика того или иного князя. Следовательно, эмотивная лексика страха в летописном повествовании прежде всего играет символическую роль и является важным элементом оценки, которую книжник дает своим героям.

Ключевые слова: история эмоций, страх, эмотивная лексика, образы князей, Древняя Русь, Повесть временных лет

Для цитирования: Борисова С.А. «Азь же того оубоѡвьса»: эмотивная лексика страха как характеристика князей в «Повести временных лет» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 61–75. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-61-75

“I was for that reason overcome by fear”.
Emotive language of fear as characteristic of princes
in “The Tale of Bygone Years”

Svetlana A. Borisova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sa-borisova@yandex.ru*

Abstract. The research of terms denoting emotions is the main approach for the study of notions about human feelings that existed in the past. Because of the peculiarities of the ancient Russian book culture, we cannot find thorough and detailed descriptions related to the experiences of people in the works of that period. However, those texts contain emotive vocabulary. Exactly its analysis is especially important for understanding the ideas about the emotions of the Middle Ages. The analysis of the emotive language of fear shows, however, that the authors of the Tale of Bygone Years not only and not so much sought to express the feeling of their characters' fear, but created the characteristics of the characters of the chronicle with the help of emotives. The article analyses the stories of the Tale of Bygone Years about the princes that contain lexemes of fear. Particular attention is paid to the usage contexts of the discovered emotives. The key result of the analysis presented that chroniclers used the emotive language of fear for the moral characterization of princes. The mention of this emotion marks the characters as villains and defines their actions as unrighteous. Fearlessness is as a positive characteristic of princes. Therefore, the emotive language of fear in the chronicle narrative primarily plays a symbolic role and becomes an important element of the evaluation that chroniclers give to their characters.

Keywords: history of emotions, fear, emotive language, images of prince, Ancient Russia, Tale of Bygone Years

For citation: Borisova, S.A. (2022), “I was for that reason overcome by fear”. Emotive language of fear as characteristic of princes in ‘The Tale of Bygone Years’, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 61–75, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-61-75

Категория эмоционального – это новая оптика, позволяющая глубже исследовать мировосприятие человека прошлого. При этом неважно, имеет ли выбранный для анализа источник ярко выраженную эмоциональную окраску. Как подчеркивает историк эмоций Б. Розенвейн, несмотря на то что «некоторые источники бесстрастны по тону и содержанию», «они так же

важны, как и откровенно эмоциональные тексты»¹ [Rosenwein 2010, p. 17].

К таким источникам можно отнести древнерусские памятники, в частности домонгольской эпохи². В силу особенностей древнерусской книжной культуры мы не можем найти в произведениях этого периода развернутые и детальные описания, связанные с переживаниями людей. Тем не менее указанные тексты содержат эмотивную лексику. Именно ее анализ особенно важен для понимания представлений об эмоциях людей, живших в средние века. Согласно наиболее актуальному подходу, выработанному в рамках истории эмоций, исследование эмоциональных терминов, “emotion words”, является базовым уровнем для изучения обозначенной проблематики [Rosenwein 2008, pp. 96–97; Rosenwein 2010, pp. 13–14].

По словам О.А. Левиной, «эмотивность текста художественного произведения направлена на то, чтобы вызвать эмоциональный отклик у читателя, и посредством этого восприятия обеспечить более глубокое понимание содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и подтекстовой информации», заставить сопереживать повествованию [Левина 1999, с. 1]. При этом литературные образы персонажей состоят из «многообразия эмотивных смыслов», сходящихся вокруг «эмоциональной доминанты характера» героя [Бабенко, Казарин 2003, с. 141]. Можно ли говорить о чем-то подобном в случае с древнерусской литературой? Иными словами: какую роль обозначения эмоций играют в построении древнерусских произведений? Чем обусловлено появление эмотивной лексики в этих текстах?

В статье мы предлагаем рассмотреть один аспект этой обширной темы: роль эмотивной лексики в рассказах о князьях в «Повести временных лет» (ПВЛ). Среди всех героев летописи наиболее подробно описаны князья, поэтому на них пал наш выбор. Мы сосредоточимся на упоминаниях страха, поскольку это одно из базовых человеческих переживаний, и, несмотря на ограниченность эмотивной палитры ПВЛ, его обозначения нередко встречаются на страницах выбранного источника [Творогов 1984]. Мы будем

¹ “Some sources are unemotional in tone and content. These are as important as overtly emotional texts”. Лингвистика эмоций также подтверждает эту идею. По словам В.И. Шаховского, «в любом тексте можно выделить различные планы, по которым характеризуется текст: событийный, временной, образный, эмотивный» [Шаховский 2008, с. 185].

² Согласно наблюдениям Д.С. Лихачева, древнерусские авторы начинают обращаться к изображению человеческих переживаний в конце XIV – начале XV в. [Лихачев 1970, с. 72].

использовать слово «страх» в качестве обобщающего понятия для древнерусских лексем, с помощью которых описывается интересующая нас эмоция.

Следует учитывать, что мы имеем дело не с описанием «реальных» страхов князей, а с литературными образами. Предметом нашего изучения являются характеристики, которыми летописец наделяет героев ПВЛ. Эмотивы, обозначающие страх, встречаются в рассказах о восьми князьях: Владимире Святославиче, Ярославе Владимировиче, Олеге Святославиче, Давыде Игоревиче, Глебе Всеславиче, Владимире Всеволодовиче, Ростиславе Владимировиче, Васильке Ростиславиче. В большинстве случаев это глаголы боѣтис_а/оубоѣтис_а. Реже используются лексемы: оужаситис_а, оужась, не смѣти, блюстис_а, трасенье. Нас будет интересовать, как выстраиваются характеристики героев с точки зрения концепта страха и какое значение имеют слова, выражающие эту эмоцию, для построения летописного повествования.

Первый смысловый уровень упоминаний о страхе в рассказах о князьях заключается в следующем: герои боятся, что родственник причинит им вред или лишит жизни, боятся понести от него наказание³.

При этом в двух описаниях таких междоусобных столкновений сообщения о страхе играют специфическую роль – они оправдывают княжеские злодеяния. Так, летописец рассказывает, что после возвращения на Русь Владимир осаждает Киев, в котором находится Ярополк, и отправляет послов к его воеводе Блуду «съ лестью ꙗѡ . поприѣи ми аще оубью брата своего . имѣти тѣ хочю во ꙗѡ мѣсто . и многу честь возьмеш ѿ мене . не азъ бо почаль братю бити но ѡнъ . азъ же того оубоавьса . придохъ на нь»⁴ (здесь и далее курсив мой. – С. Б.). В речи Владимира страх становится оправданием агрессивного поведения князя по отношению к брату и дальнейшего убийства Ярополка.

³ Например: Владимир Святославич *оубоавьса* старшего брата: «слъшав же се Володимѣръ в Новѣгородѣ . ꙗко Ярополкъ оуби Сѡльга . *оубоавьса* бѣжа за море» (Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Стб. 75). Подобная реакция описывается у Ярослава Владимировича по отношению к отцу: «Ярославъ же пославъ за море . приведе Варагы боѣса ꙗѡ своего» (Там же. Стб. 130). Олег Святославич, сражаясь с войсками Мстислава Владимировича, «оузрѣ (...) стагъ Володимѣрь и *оубоавьса* (...) и *оубоавьса* побѣже» (Там же. Стб. 239–240) и т. д.

⁴ Там же. Стб. 76.

Подобным образом описывается и поведение Давыда Игоревича. Володарь Ростиславич требует от Давыда покаяния за то, что тот ослепил его брата, Василька Теробовльскаго. В ответ обвиняемый князь пытается обмануть Володаря, объясняя свое злодеяние страхом: «на Стополка нача извѣтъ имѣти . глѣ ци æ се створиль . [ци] ли в мое^м городѣ . æ са са^м боасель аще бѣша и мене сели . и створили такоже невола ми бѣло пристати в свѣтъ ходаче в руку»⁵.

Следует обратить внимание на контекст реакции *боаетиса/оубоаетиса* в анализируемых сообщениях о Владимире и Давыде. Волынский князь, оправдываясь в ослеплении Василька, «нача извѣтъ имѣти», а Владимир обращается к Блуду «съ лестью». Как установили А.С. Демин и А.А. Пауткин, упоминание о *лести* – важная деталь в характеристике персонажей летописи. *Лесть* является признаком отрицательного поведения и атрибутом «злодея»⁶ [Демин 2012, с. 110; Пауткин 2002, с. 164–165]. Значение этого слова вбирает в себя ряд близких друг другу понятий: обман, ложь, хитрость, коварство⁷. *Извѣтъ* – слово, семантически близкое *лести*: в анализируемом отрывке оно означает «обвинение; наговор»⁸. Таким образом, можно предположить, что в совокупности с указанием на обман эмотивы *боаетиса/оубоаетиса* характеризуют Владимира и Давыда как злодеев.

Сочетание упоминания о *лести* и страхе содержится и в характеристике Олега Святославича. Согласно летописному рассказу, он «с лестью»⁹ соглашается на мир с Мстиславом, но, вопреки этой договоренности, вероломно нападает на своего крестного сына в день его именин [Литвина, Успенский 2020, с. 159–161]. Летописец счел нужным упомянуть, что Олег «убоялся» во время сражения дважды, а также изобразить состояние ужаса, охватившее князя: «оузрѣ СОлегъ стагъ Володимеръ и оубоаса . оужась нападе на нь . и на вогъ юго»¹⁰, «оубоавьса побѣже (...) и вдоль

⁵ Там же. Стб. 267.

⁶ По словам А.А. Пауткина, «междоусобицы, открытая враждебность, приводившие к гибели противников, не делали князя злодеем. <...> Для этого нужны не просто жестокое противостояние или эгоистичность политики (таких фактов в летописи множество), а коварный заговор, борьба недостойными методами (“убити лестью”)» [Пауткин 2002, с. 164–165].

⁷ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык, 1991. Т. 4. С. 449–450.

⁸ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык, 1990. Т. 3. С. 489.

⁹ Лаврентьевская летопись... Стб. 238.

¹⁰ Там же. Стб. 239.

*Мстиславъ»*¹¹. Такое сообщение уникально для ПВЛ: древнерусские князья нередко бежали с поля боя, но еще ни о ком до этого книжник не писал, используя категорию страха. Кроме того, стоит обратить внимание на комментарий, который сопровождает рассказ о сражении Олега с Мстиславом: «но Бѣ въсть избавлати бл҃гочѣтвыае своаѣ ѿ лѣсти»¹². Эта несколько измененная цитата из Второго послания Петра («Вѣсть Гдѣ бл҃гочѣтвыаѣ ѿ напасти избавлати»¹³) имеет важное продолжение: «неправедники же въ днь судный мучимы бл҃юсти»¹⁴. Таким способом Олег характеризуется как грешник, которому воздастся на Страшном суде. Итак, образ черниговского князя имеет сразу несколько отрицательных характеристик, среди которых важное место занимают сообщения о страхе.

Упоминания о лести соотносятся не только с глаголами *боаетиса/оубоаетиса*. Летописец изображает переживания Давыда Игоревича перед тем, как тот захватил в плен Василька Тербовльского, описывая состояние ужаса и оцепенения волынского князя: «Дѣдъ же сѣдаше акы нѣмъ (...) а Дѣдъ с Василко^м сѣдоста. и нача Василко пѣти к Дѣдѣ . и не бѣ в Дѣдѣ гла^с ни послушанье . бѣ бо ужасльса . и лѣсть имѣа въ срѣци»¹⁵. Важно и то, что князь не имеет видимых причин для своих переживаний. Можно сказать, так он сближается с грешниками, которые обращаются в бегство без повода и бегут, когда за ними никто не гонится¹⁶. Таким образом, ужас, *лѣсть* и отсутствие причин для эмоций характеризуют Давыда как злодея. Завершают портрет князя упоминания о его малодушии: «Дѣдъ нача поущати на вслѣпленье . аще ли сего не створишь а пустишь и . то ни тобѣ княжи[ти] ни мнѣ . Стѣполкъ же хоташе пустити и . но Дѣдъ не хоташе блюдиса юго»¹⁷.

Теперь обратимся к примерам, где в характеристике князей отсутствуют упоминания о *лести* и сообщается только о страхе героев. В 1116 г. Глеб Всеславич перестал подчиняться Владимиру

¹¹ Лаврентьевская летопись... Стб. 240.

¹² Там же. Стб. 239.

¹³ Острожская Библия. Острог, 1581. Л. 21 (2 Петр 2:9). Благодарим А.Г. Флорес за то, что обратила наше внимание на эту цитату.

¹⁴ Там же. Л. 21 (2 Петр 2:9).

¹⁵ Лаврентьевская летопись... Стб. 259.

¹⁶ Так, Святополк Окаянный после поражения в битве с Ярославом бежит, хотя «не бѣ никогоже вслѣдъ гонашаго»: злодей гоним «Бѣимъ гнѣвомъ» (Там же. Стб. 145). Подробнее о грешниках, бегущих без причины см.: [Данилевский 2019, с. 110–113].

¹⁷ Лаврентьевская летопись... Стб. 260.

Мономаху, за что тот осадил его город Минск. ПВЛ так описывает этот конфликт: «...и затвориса Глѣбъ въ градѣ Володимеръ же нача ставити истьбу . оу товара своего . противу граду . Глѣбови же оузрившю . *оужасеса срѣцмь и нача сѧ молити Глѣбъ Володимеру иша ѿ тебе послы*»¹⁸. На то, что Глеб характеризуется как грешник, помимо эмотива *оужасеса*, указывают дополнительные детали: он сжигает Слуцк «и не каешеться о семь . ни покарашеться . но болѣ противу Володимеру глаше оукараѧ и»¹⁹. Мономах же ведет себя с мятежным князем как праведник, «надѣаса на Ба и на правду»²⁰, не хочет кровопролития во время Великого поста и заключает перемирие. Таким образом, выражение «оужасеса срѣцмь» может привносить в летописный конфликт дополнительные смыслы: обозначать Глеба как злодея и грешника.

Ярослав Владимирович – один из ключевых «положительных» образов ПВЛ. Однако летописец счел нужным упомянуть о страхе Ярослава перед отцом, и нам нужно разобраться, зачем книжник это сделал. В 1015 г. Ярослав перестает платить дань в Киев. Владимир хочет идти на сына с войском, на что, по словам летописца, «Ярославъ же пославъ за море . приведе Варягы боаса ѿца своего»²¹. Отказ платить дань – это серьезный проступок, фактически означающий неподчинение Киеву и обособление от центра. На наш взгляд, специальное указание на страх Ярослава можно трактовать как укор своенравному князю от летописца.

Связь сообщений о страхе князей и их негативного поведения подтверждает еще один пример описания междоусобного конфликта – эпизод столкновения Ростислава Владимировича с его дядей Святославом: «Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю снѣ Володимеръ внукъ Ярославль . Ростиславъ же ѿступи кромѣ изъ гра[да] *не оубоавьса юго . но не хота противу строюви своему вружъса взати*»²². Вся ситуация конструируется как такая, в которой герою было бы положено «убояться»: в ней есть угрожающий оппонент – дядя Ростислава Святослав, а действие, которое совершает тмутораканский князь, – бегство. Однако летописец считает нужным пояснить, что князь «ѿступи кромѣ изъ гра[да] *не оубоавьса юго*» (Святослава. – С. Б.). Истинная причина отступления – нежелание Ростислава сражаться с дядей: «не хота противу строюви своему

¹⁸ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 283.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Лаврентьевская летопись... Стб. 130.

²² Там же. Стб. 163.

вружьѧ взати». Такое специальное проговаривание бесстрашия героя²³ может указывать на то, что летописец оценивал действия князя положительно: Ростислав подчиняется старшему родственнику и не хочет кровопролития.

Упоминание о страхе положительного героя встречается только в рассказе о замыслах злодея. По словам летописца, Олег Святославич, нарушив договоренность о перемирии, начинает наступление на Мстислава и «мнѧ ѿко [боѧ^с его]²⁴. Мстиславъ побѣгнетъ»²⁵. Однако эти планы не сбываются, а «оубоѧвьса побѣже» сам Олег. Мстислав, в свою очередь, как подчеркивает книжник, не хотел воевать с дядей и неоднократно предлагал перемирие.

Теперь проанализируем ситуации и лексемы, отличающиеся от уже рассмотренных. Согласно летописному рассказу, когда епископы обращаются к Владимиру Святославичу с просьбой казнить разбойников, «вн же ре^с имь боюса грѣха»²⁶. В Троице-Сергиевом сборнике конца XII – начала XIII в. эта мысль раскрывается полнее: «грѣха са бои оца моучению. ведоущаго та въ огнюноу рѣкоу»²⁷. Страх греха и посмертных мучений отличен по своей сути от эмоции, связанной с междоусобными конфликтами. Его можно назвать благим, поскольку он направляет Владимира к праведной жизни.

²³ Еще один бесстрашный герой ПВЛ – сын Ростислава, теребовльский князь Василько. Согласно рассказу летописца, Василько, находящийся в плену у Давыда и Святополка, ведет себя подчеркнуто отважно: «да бых в той сорочкѣ кровавѣ смерть прияль» (Там же. Стб. 261), «не боюса смрти» (Там же. Стб. 266). Его образ включает и ряд других значимых деталей. Василько уповает на Бога («надѣюся на Ба»: Там же. Стб. 265), даже когда отрок предупреждает его о грозящей опасности: «и помысливъ си прекрѣтиса рекъ . вола Гснѧ да буде^с» (Там же. Стб. 259). По словам А.А. Шайкина, такое предупреждение – это фольклорный мотив, который затем пришел в агиографию, а из нее – в летопись [Шайкин 2011, с. 212]. Василько ослепляет торчин – убийцей Глеба тоже становится торчин. Следовательно, мы можем сравнивать образ теребовльского князя с праведниками из маририев, бытовавших в Древней Руси. Изображение бесстрашия и храбрости героя – одно из оснований, на которых строится образ мученика в агиографии [Борисова 2021].

²⁴ «боѧ^с его» читается только Радзивилловском и Московско-академическом списках.

²⁵ Лаврентьевская летопись... Стб. 239.

²⁶ Там же. Стб. 127.

²⁷ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык, 1988. Т. 1. С. 302.

Иным по смыслу на фоне проанализированных сообщений выглядит и описание реакции Владимира Мономаха на ослепление Василька: «Володимеръ же слышавъ аѡко аеть бы^с Василко и слѣплень оужасеса»²⁸. Князь оужасеса этому невероятному «злу», после чего «всплакавъ». Такая реакция с точки зрения концепта страха выглядит необычной. Чаще герои бегут, замирают, нападают, если речь идет об опасности, или падают ниц, если испытывают сакральный страх. Таким образом, здесь глаголом оужасеса описана другая эмоция. Понять ее смысл возможно, обратившись к данным старославянского языка: в X–XI вв. «оужасть – это изумление, трепет, испуг; чудо»; «оужась – потрясение, трепет, страх»; «оужаснжти са – изумиться, поразиться; испытать трепет, испугаться»²⁹. Таким образом, ужас Владимира следует понимать как шок и потрясение³⁰.

Функционирование глагола *не смѣти* не имеет в ПВЛ ярко выраженной смысловой специфики. В сообщениях о междоусобных конфликтах с помощью этой лексемы характеризуется как отрицательный, так и положительный герой. Так, летописец рассказывает, что Давыд задумал захватить удел ослепленного им Василька, но столкнулся с войсками его брата Володаря: «и не смѣ Двѣ стати противу Василкову брату Володарю»³¹. После этого злодей Давыд бежал и затворился в Божеске.

Второй рассказ касается конфликта Ярослава Владимировича с его младшим братом Мстиславом. Ярослав потерпел поражение, но Мстислав решил не занимать Киев и, как пишет книжник, предложил разделить территорию на две части: «Сяди в своемъ Къиевѣ ты еси старѣишеи братъ . а мнѣ буди си сторона»³². После чего «не смаше Ярославъ ити в Къиевъ . дондеже смиристаса»³³. Он поставил в городе наместников и только на следующий год «совокупи воѡ многы . и приде Къиеву и створи миръ с братомъ своимъ . Мьстиславомъ <...> и начаста жити мирно . и в братолюбьствѣ»³⁴. В данной ситуации, с точки зрения лествичной системы, правым оказывается Ярослав, однако по отношению к нему летописец использует лексему *не смѣти*.

²⁸ Лаврентьевская летопись... Стб. 262.

²⁹ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.: Русский язык, 1994. С. 730.

³⁰ Эмоции страха и удивления имеют общую биологическую основу, что, как видно, отразилось и в языке. Сильное удивление может перерасти в «изумленное оцепенение», сходное со страхом [Изард 2007, с. 57].

³¹ Лаврентьевская летопись... Стб. 252.

³² Там же. Стб. 149.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

Таким образом, в отличие от эмотивов *боаетисл/оубоаетисл* и слов с корнем «оужас-», мы не обнаружили дополнительных смыслов в употреблении глагола *не смѣти*. Возможно, это связано с тем, что эмотивность данной лексемы и, соответственно, ее связь с представлениями о страхе стоят под вопросом. *Не смѣти* означает «бояться, опасаться; иметь право что-либо сделать»³⁵. Однако Д.С. Лихачев в своем переводе ПВЛ предлагает иные варианты: «не решаться», «не осмеливаться», «не сметь» и «не посметь»³⁶. Не вполне понятно, действительно ли глагол *не смѣти* обозначает эмоцию.

Эта проблема видна особенно отчетливо, если обратиться к двум оставшимся эпизодам, связанным с образами князей. В указанных рассказах с помощью лексемы *не смѣти* описывается вооруженное противостояние. В одном случае – это Владимир Святославич и печенеги: «и ста Володимеръ на сеи сторонѣ . а Печенѣзи на внои . и не смаху си на вну страну . ни вни на сю страну»³⁷. В другом – Ярослав Владимирович и его брат Святополк: «Приде Ёрославъ и сташа противу . в поль Днѣпра . и не смаху ни си внѣхъ . ни вни сихъ начати»³⁸. Примечательно, что слово *не смѣти* характеризует обе стороны конфликта. Возникает вопрос: согласно логике летописного повествования, был ли страх причиной того, что противники не начинали битву? Отсутствие такого решения не обязательно может быть связано с интересующей нас эмоцией. В данном случае герои могли просто ждать благоприятного момента, чтобы начать сражение.

В ПВЛ есть еще одно любопытное свидетельство о связи страха и греха. В рассказе о битве на Альте сообщается, что Ярослав предрекает своему противнику, брату Святополку, Каинову участь: «Ёрославъ ста на мѣстѣ идеже оубиша Бориса . въздѣвъ руцѣ на нбо ре⁴ кровь брата моего вопеть к тобѣ Вл^чко . мсти ѿ крове праведнаго сего . ажеже мстиль яси крове Авелевы . положивъ на *Каинъ стенанье и трасенье*»³⁹. Нас интересует лексема *трасенье*, которая в анализируемом фрагменте означает «дрожь, содрогание»⁴⁰. Дрожь – один

³⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2000. Вып. 25. С. 181–182.

³⁶ Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2007. С. 192, 200, 203, 215, 219, 229, 241, 252.

³⁷ Лаврентьевская летопись... Стб. 122.

³⁸ Там же. Стб. 141.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., СПб.: Нестор-история, 2015. Вып. 30. С. 212.

из признаков страха⁴¹. Но имелась ли в виду эта эмоция в летописном отрывке?

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к источнику рассматриваемого образа, который находится в Библии. После братоубийства Каин проклят Богом: «егда дѣлаеши землю, не приложи^f силы своа дати тебѣ, стена и *трасыса* будеши на земли»⁴². В Септуагинте фразе «стена и *трасыса*» соответствует выражение «*στένων καὶ τρέμων*»⁴³. Превалярующим в значениях слов «*τρόμος, τρομέω*» является компонент страха⁴⁴. Следовательно, в рассматриваемой системе образов Каин – Святополк речь идет именно об этой эмоции. Необъяснимая, потусторонняя дрожь преследует Святополка⁴⁵. Он бежит, никем не гонимый («не бѣ никогоже вслѣдъ гонашаго»⁴⁶), и гибнет в пустыне «межу Лахы и Чехы»⁴⁷.

В описаниях междоусобных конфликтов прослеживается четкая закономерность: отрицательный герой изображается боящимся

⁴¹ Синонимы глагола «бояться» – трепетать, дрожать, трястись (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 60–61).

⁴² Острожская Библия. Л. 2об. (Быт. 4:12).

⁴³ Подробнее об истории этой фразы в греческом и еврейском текстах Библии см.: [Успенский 2000, с. 75].

⁴⁴ Троμέω – 1. дрожать, трепетать. 2. бояться, страшиться (*Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 2. С. 1649). Τρόμος – “trembling, quaking, quivering”. 1. from fear 2. from cold 3. of earthquakes. См.: *Liddell H.G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0057%3Aalphabetic+letter%3D*t%3Aentry+group%3D68%3Aentry%3Dtro%2Fmos1 (дата обращения 04.01.2021). Троμέω – “tremble, quake, quiver, esp. from fear” (Ibid. URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0057%3Aalphabetic+letter%3D*t%3Aentry+group%3D68%3Aentry%3Dtro%2Fome%2Fw (дата обращения 04.01.2021)).

⁴⁵ Наказание страхом и гневом, подобное Каинову, будут получать и другие герои летописи. Так, князь Мстислав изгоняет от себя предателя – боярина Жирослава, «ажо же изгна Бѣ. Каина ѿ лица своего . реки проклатъ ты . боуди стена и *трасыса* на земли . ажкоже раздвиже земля оуста своа прияти кровь брата твоего» (Ипатьевская летопись... Стб. 747). А выражение «трястись что Каин» впоследствии станет фразеологизмом, обозначающим страх [Калимуллина 2002, с. 187].

⁴⁶ Лаврентьевская летопись... Стб. 145.

⁴⁷ Подробный разбор развития системы образов этого летописного отрывка и их смыслов см.: [Данилевский 2019, с. 106–117].

своего противника. Можно сказать, что таким образом летописец дает оценку действиям персонажей⁴⁸. Для этого он использует лексемы *боаетиса/оубоаетиса*, слова с корнем «оужас-», глагол *блюстиса* и существительное *трасенье* (последние два слова встречаются по одному разу). Лишь в двух других ситуациях (боязнь греха и шок от совершенного другими героями злодеяния) употребление эмотивной лексики страха не характеризует князей отрицательно. Использование глагола *не смѣти* не связано с дополнительными смысловыми оттенками, возможно, потому что эта лексема не может быть однозначно отнесена к лексико-семантическому полю страха.

Прямые истоки проанализированных летописных образов обнаружить не удалось, однако само представление о том, что грешник испытывает страх, прослеживается в библейских источниках древнерусской книжной культуры. Например, в отрывке из Первого соборного послания апостола Иоанна говорится, что «Боѡи же са нѣ^с свершенъ в любви», «боѡзни нѣ^с в любви . но свершена любви вонъ измещеть боѡзнь»⁴⁹. Соответственно, недостаток веры и божественной любви у «боящегося» говорит о его греховности.

Упоминания о страхе в рассказах о князьях зачастую нужны не для того, чтобы изобразить переживания героев или вызвать эмоциональный отклик у читателя. Сообщения об этой эмоции в первую очередь играют символическую роль в летописном повествовании, расставляют акценты в нравственных портретах князей и являются важным элементом оценки, которую книжник дает тем, о ком он пишет. Упоминания о страхе становятся частью негативных характеристик героев и своеобразным «компасом», позволяющим читателю ориентироваться в пространстве смыслов «Повести временных лет».

⁴⁸ Кроме индивидуального, в ПВЛ говорится о групповом страхе. Такие упоминания тоже являются частью отрицательных характеристик персонажей. В летописи неоднократно сообщается о страхе врагов Руси – греков, торков, половцев (Лаврентьевская летопись... Стб. 30, 163, 278 и др.). О страхе древнерусских воинов в ПВЛ говорится всего два раза. В первом случае «Русь *оубоашаса зѡло* множества вои» в столкновении с Византией, но Святослав помог своему войску справиться с этим состоянием (Там же. Стб. 70). Преодоление страха – уже черта не грешника, а праведника. Например, в древнерусских переводных и оригинальных мартириях это важная характеристика святого [Борисова 2021]. Второй раз «оужась нападе» на воинов Олега Святославича (Лаврентьевская летопись... Стб. 239). Они участвуют в междоусобице, помогают грешнику и таким образом сами становятся грешниками.

⁴⁹ Лаврентьевская летопись... Стб. 203.

Литература

- Бабенко, Казарин 2003 – *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика. М.: Флинта, Наука, 2003. 496 с.
- Борисова 2021 – *Борисова С.А.* «Съвьршеная лобы вьнь измещеть страхъ»: как боялись древнерусские князья-мученики? // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 4. С. 50–64.
- Данилевский 2019 – *Данилевский И.Н.* Герменевтические основы изучения летописных текстов: Повесть временных лет. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 448 с.
- Демин 2012 – *Демин А.С.* Изображение «зверскости» злодеев в древнерусской литературе // Развитие личности. 2012. № 4. С. 106–125.
- Изард 2007 – *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2007. 464 с.
- Калимуллина 2002 – *Калимуллина Л.А.* Эмотивы страха в русском литературном языке XVIII–XIX веков // Межкультурные коммуникации: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.А. Панова. Челябинск: Челябинский государственный ун-т, 2002. С. 183–193.
- Левина 1999 – *Левина О.А.* Репрезентация эмоциональных состояний персонажей в английском художественном тексте (языковые и когнитивные аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский государственный лингвистический ун-т, 1999. 481 с.
- Литвина, Успенский 2020 – *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Династический мир домонгольской Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020. 430 с.
- Лихачев 1970 – *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 178 с.
- Пауткин 2002 – *Пауткин А.А.* Беседы с летописцем: поэтика раннего русского летописания. М.: Изд-во МГУ, 2002. 286 с.
- Творогов 1984 – *Творогов О.В.* Лексический состав «Повести временных лет»: словоуказатели и частотный словарь. Киев: Наукова думка, 1984. 220 с.
- Успенский 2000 – *Успенский Б.А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 128 с.
- Шайкин 2011 – *Шайкин А.А.* Повесть временных лет: история и поэтика. М.: Русская панорама, 2011. 616 с.
- Шаховский 2008 – *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- Rosenwein 2008 – *Rosenwein B.H.* Emotion words // Le sujet des emotions au Moyen Age / Sous la direction de P. Nagy, D. Boquet. Paris: Beauchesne, 2008. P. 93–106.
- Rosenwein 2010 – *Rosenwein B.H.* Problems and methods in the history of emotions // Passions in context. 2010. No. 1. P. 1–32.

References

- Babenko, L.G. and Kazarin, Yu.V. (2003), *Lingvističeskii analiz khudozhestvennogo teksta: teoriya i praktika* [Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice], Flinta, Nauka, Moscow, Russia.
- Borisova, S.A. (2021), “ ‘Perfect love casts out fear’. How did Old Russian princes-martyrs fear?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 50–64.
- Danilevskii, I.N. (2019), *Germenevitičeskie osnovy izučeniya letopisnykh tekstov. Povest' vremennykh let* [Hermeneutical foundations of the study of chronicle texts. The Tale of Bygone Years], Izdatel'stvo Olega Abyshko, Saint Petersburg, Russia.
- Demin, A.S. (2012), “The depicting of the villains cruelty in Old Russian literature”, *Razvitie lichnosti*, no. 4, pp. 106–125.
- Izard, K.E. (2007), *Psikhologiya ehmotsii* [The psychology of emotions], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Kalimullina, L.A. (2002), “Emotives of fear in the Russian literary language of the 18th – 19th centuries”, in Panova, A.A. (ed.), *Mezhkul'turnye kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov* [Intercultural communication. Collection of scientific papers], Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, Chelyabinsk, Russia, pp. 183–193.
- Levina, O.A. (1999), *Representation of emotional states of characters in an English literary text (linguistic and cognitive aspects)*, Ph.D. Thesis (Philology), Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.
- Likhachev, D.S. (1970), *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the literature of Ancient Russia], Nauka, Moscow, Russia.
- Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2020), *Dinastičeskii mir domongol'skoi Rusi* [The dynastic world of Pre-Mongol Russia], Izdatel'stvo Olega Abyshko, Saint Petersburg, Russia.
- Pautkin, A.A. (2002), *Besedy s letopistsem: poehtika rannego russkogo letopisaniya* [The conversations with the chronicler. The poetics of the early Russian chronicle], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.
- Rosenwein, B.H. (2008), “Emotion words”, in Nagy, P. and Boquet, D. (ed.), *Le sujet des emotions au Moyen Age*, Beauchesne, Paris, France, pp. 93–106.
- Rosenwein, B.H. (2010), “Problems and methods in the history of emotions”, *Passions in context*, no. 1, pp. 1–32.
- Shaikin, A.A. (2011), *Povest' vremennykh let: istoriya i poehtika* [The Tale of Bygone Years. History and poetics], Russkaya panorama, Moscow, Russia.
- Shakhovskii, V.I. (2008), *Lingvističeskaya teoriya ehmotsii* [Linguistic theory of emotions], Gnozis, Moscow, Russia.
- Tvorogov, O.V. (1984), *Leksicheskiĭ sostav “Povesti vremennykh let”: slovoukazateli i chastotnyi slovník* [The lexical structure of “The Tale of Bygone Years”. Word pointers and frequency dictionary], Naukova dumka, Kyiv, USSR.
- Uspenskii, B.A. (2000), *Boris i Gleb: vospriyatie istorii v Drevnei Rusi* [Boris and Gleb. Perception of history in Ancient Russia], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Светлана А. Борисова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sa-borisowa@yandex.ru

Information about the author

Svetlana A. Borisova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sa-borisowa@yandex.ru